

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА

«Умирают в России страхи»

О том, как в марте 1963 года в Минске исполняли 13-ю симфонию Шостаковича

История исполнения 13-й симфонии Д.Шостаковича 19 и 20 марта 1963 года в Минске, несомненно, знаменательна, ведь Дмитрий Дмитриевич присутствовал на двух репетициях и на первом авторском концерте. Эти концерты состоялись, несмотря на то, что московское руководство задержало исполнение симфонии после ее премьеры в декабре 1962 года, несмотря на отказ руководства Государственного хора Белоруссии участвовать в исполнении симфонии и даже несмотря на отказ солиста-певца — буквально накануне — участвовать в концерте. В этих безвыходных обстоятельствах, чтобы спасти исполнение симфонии, срочно за вечер и ночь каждый музыкант оркестра добровольно переписал свою оркестровую партию.

13-я симфония Д.Шостаковича написана для баса, хора басов и симфонического оркестра на стихи Е.Евтушенко — «Бабий Яр», «Юмор», «В магазине», «Страхи», «Карьера». Ее первое исполнение состоялось в Москве 19 декабря 1962 года под управлением Кирилла Кондрашина с оркестром Московской филармонии, капеллой Юрлова и солистом В.Громадским. Сегодня это, может быть, трудно понять, но в те времена каждое исполнение 13-й симфонии Д.Шостаковича в Москве, Минске и позднее в других городах было общественным событием, поскольку в 13-й симфонии запечатлены острые общественные темы, имевшие актуальнейшее значение в те годы. Не случайно все исполнения симфонии заканчивались триумфом — публика стоя аплодировала авторам и исполнителям.

А было все так. В октябре 1962 года мне было предложено занять пост главного дирижера и художественного руководителя Государственного симфонического оркестра Белоруссии. Концертный план оркестра первой половины сезона к тому времени был уже обозначен, а вторая половина сезона требовала немедленного решения. В декабре я был в Москве на премьере 13-й симфонии в Большом зале консерватории. Впечатление было ошеломляющим.

Я решил немедленно исполнить симфонию в Минске. Разобравшись в репертуаре оркестра, я понял, что его необходимо обновить. Тогда же возникла идея выпустить цикл концертов под общим названием «Выдающиеся произведения музыки XX века», куда входили бы ранее не исполнявшиеся в Минске сочинения композиторов, определивших новые направления в современной музыке.

Во второй половине сезона было намечено ограничиться программами, посвященными творчеству Г.Малера, П.Хиндемита, Б.Бартока и Д.Шостаковича (1-й скрипичный концерт и 13-я симфония). Был выпущен абонемент из четырех концертов, с исполнением каждого концерта дважды (обновляясь, этот цикл повторялся из года в год и долго продолжался после моего ухода из оркестра в 1971 году).

Билеты на концерт с 13-й симфонией

продавались только в абонементе. Это было сделано на тот случай, если вдруг у руководства возникнет желание снять исполнение симфонии. Тогда публике пришлось бы возвращать билеты всех восьми концертов, что при аншлаге (абонементы были распроданы в течение нескольких дней) было бы весьма заметно. Был объявлен и Третий концерт с 13-й симфонией, внеабонементный, но позднее руководство министерства культуры Белоруссии его все-таки сняло.

После Нового года в Москве начали «сгущаться тучи». Появились «критические» статьи и выступления; Е.Евтушенко было предложено изменить текст в первой части симфонии, что он и сделал. Тогда же было приостановлено и дальнейшее исполнение симфонии. Официально это нигде не было объявлено, но когда я пришел в библиотеку Союза композиторов СССР на улице Неждановой, чтобы взять партитуру и оркестровые партии, мне их не выдали, а через друзей мне удалось достать только два клавира. Как мне объяснил тогдашний директор библиотеки Е.Садовников: «Выдавать оркестровые партии и партитуру пока запрещено».

Кстати, в первом издании партитуры симфонии (М., «Советский композитор», 1971) даже в сносках отсутствует первоначальный текст.

Пользуясь случаем, я его напечатаю. Изменений в первой части («Бабий Яр») было два: между 2-3 цифрами партитуры и между 24-26.

Старый текст:

Мне кажется, сейчас я иудей —
вот я бреду по Древнему Египту.
А вот я на кресте распятый гибну
и до сих пор на мне следы гвоздей!

Новый текст:

Я тут стою, как будто у криницы,
дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы,
лежат с евреями в одной земле.

Старый текст:

И сам я как сплошной беззвучный крик
над тысячами тысяч убитых,
я каждый здесь расстрелянный старик,
я каждый здесь расстрелянный
ребенок.

Новый текст:

Я думаю о подвиге России,
фашизму преградившей путь собой,
до самой наикрохотной росинки
мое близкой всею сутью и судьбой.

Получив отказ в библиотеке Союза

композиторов, я обратился к художественному руководителю Московской филармонии М.Гринбергу, думая получить у него оркестровые партии, имевшиеся в оркестре филармонии. После продолжительной беседы, где мне было выражено понимание и сочувствие, я получил отказ, мотивированный тем, что ноты являются собственностью Союза композиторов и в сложившейся обстановке он не может ими распорядиться.

Тогда я обратился непосредственно к библиотекарю оркестра Л.Виноградову. Леонид Владимирович Виноградов был тихим человеком, для того времени вид он имел несколько странный: носил волосы до плеч, длинную бороду до пояса и одет был весьма небрежно. Он много чи-

Дмитрий Шостакович.

тал и высказывал довольно независимые взгляды на тогдашнюю жизнь. Я рассказал ему о своих планах, и поскольку в ближайшее время исполнение симфонии не намечалось, он без колебаний согласился выдать мне оркестровые партии, хотя партитуры у него не было.

Прекрасно помню, как мы выносили из служебного входа Большого зала консерватории три пачки нот в машину такси, а рядом со входом стоял «Москвич» с открытым капотом и около него — Кирилл Кондрашин. Он увидел нас, улыбнулся и пожелал мне успехов, но когда я обратился к нему с просьбой дать мне на несколько дней партитуру симфонии, он отказал, мотивируя это тем, что это партитура библиотеки Союза композиторов.

С.Хентов в книге «Д.Шостакович» (Л., «Советский композитор», 1986) на странице 427 пишет: «Минскому дирижеру В.В.Катаеву удалось получить партитуру для премьеры в столице Белоруссии». Партитуру я получил из рук Дмитрия Дмитриевича, когда он за день до концерта приехал в Минск, а вся многодневная репетиционная работа проходила только по клавиру, что вначале, пока я не выучил партитуру на память, создавало для меня крайнее неудобство в работе с оркестром.

В организации исполнения симфонии Шостаковича в Минске у меня был замечательный помощник — редактор симфонических и камерных программ филармонии М.Жуховицкий. Он закончил исторический факультет университета и хоровое отделение консерватории. Жуховицкий был невероятно активным человеком, он прекрасно ориентировался в сложных отношениях партийного руководства и способствовал осуществлению многих интересных программ. Так, в 1964 году нам удалось еще раз исполнить 13-ю симфонию, а несколько позднее — «Военный реквием» Б.Бриттена, «Симфонию псалмов» И.Стравинского, симфонию «Песнь о земле» Г.Малера, ораторию А.Онеггера «Жанна д'Арк на костре» (в сценической редакции) и ряд других замечательных произведений композиторов XX века.

Возвращаясь, однако, к истории исполнения 13-й симфонии, когда у нас возникла трудная задача — собрать сводный хор басов. Я обратился к художественному руководителю Государственного хора Белоруссии Г.Ширме. Он категорически отказался участвовать в исполнении (хотя ни текста, ни музыки симфонии еще не знал), боясь навредить себе недовольство начальства.

Тогда я обратился к художественному руководителю хора Белорусского радио А.Зеленковой, выпускнице Ленинградской консерватории, замечательному человеку и музыканту. Она с воодушевлением приняла мое предложение.

Именно вокруг небольшой группы певцов ее хора и стал собираться сводный хор басов. Для начала мы решили не ставить в известность руководство радио, а просто Анна Павловна так выстроила план работы хора, что мужчины

получили возможность в рабочее время разучивать хоровые партии симфонии.

Первые несколько репетиций я проводил у себя дома, знакомил певцов с музыкой, с текстом симфонии, просил каждого из них рассказывать о симфонии своим коллегам из других хоров и приглашать их к участию в ее исполнении на условиях личного договора с филармонией (помню, директор филармонии Анатолий Колонденко с большим трудом, но нашел средства, и большинство певцов сводного хора получили оплату). Состав хора стал быстро увеличиваться. Затем хоровые репетиции были перенесены в филармонию (теперь это Дом искусств).

К работе подключилась большая группа из Государственного хора Белоруссии, но по личной инициативе. В репетициях сводного хора принял участие хормейстер радио Илья Кле-

ванский и хормейстер Государственного хора Виктор Ровдо. Пришло много певцов и из других хоров. В результате собрался настолько большой хор, что он не помещался на хоровых станах и хористы стояли на полу в нескольких рядах. Когда на генеральной репетиции Дмитрий Дмитриевич увидел состав хора, он обомлел — на сцене стояла плотная толпа.

Еще на начальной стадии подготовки к концерту, будучи в Москве, я договорился с солистом Московской филармонии Виктором Громадским, который участвовал в московской премьере, и поэтому я был абсолютно спокоен. Но где-то дней за десять до концерта он позвонил мне в Минск и отказался от участия, мотивируя это своей занятостью в других концертах.

Мне пришлось срочно выехать в Москву в надежде найти другого солиста, знающего эту вокальную партию. Я предполагал, что к премьере в Москве для страховки должен был готовиться еще один певец. В Московской филармонии подтвердили мои предположения и назвали солиста филармонии Аскольда Беседина. Он знал партию, присутствовал на всех оркестровых репетициях К.Кондрашина в декабре, но спеть ему так и не дали, предпочтя В.Громадского. Тогда у А.Беседина не было постоянного адреса в Москве, поэтому мне дали несколько адресов и один телефон, где предположительно он мог появиться.

Имея в распоряжении всего один день, от поезда до поезда, я объездил на такси все адреса, звонил по телефону, но нигде А.Беседина не застал. Везде я оставлял свой минский телефон и записку: «При любых обстоятельствах прошу принять участие в исполнении 13-й симфонии в Минске!»

Вернувшись рано утром в Минск, я успел лишь войти в квартиру, как раздался междугородный звонок. Звонил Аскольд Беседин: «Я готов... Я могу... отменил все концерты. Когда мне быть в Минске?» Когда мы встретились на перроне, он задал мне сразу один вопрос: «Какой поем текст?» — «Конечный, первый!».

Как относился ЦК компартии Белоруссии и министерство культуры к готовящемуся исполнению симфонии в Минске? Во-первых, об исполнении симфонии они узнали, когда по городу уже висели афиши, когда все с нетерпением ждали этих концертов и когда через абонементную систему все билеты были уже проданы. Во-вторых, о задержке исполнения и

о требовании верхов изменить литературный текст симфонии знали в Москве, но в Минске толком никто об этом не слышал. Один раз меня и директора филармонии вызывал к себе министр культуры Г.Киселев, который, хоть и поставил вопрос о переносе исполнения, понимал, что делать это было уже поздно.

Казалось, уже ничто не может помешать исполнению симфонии, но за пять дней до концерта мне вдруг из Москвы позвонил К.Кондрашин и попросил срочно вернуть оркестровые партии, потому что якобы где-то намечается исполнение симфонии под его управлением. Утром следующего дня перед репетицией я сообщил об этом оркестру. Музыканты выслушали меня с невероятным волнением: в той напряженной обстановке, после преодоления стольких препятствий невозможно было и представить себе отмену концерта.

Тогда решили, что после репетиции каждый музыкант возьмет домой свою партию и к утру переписшет ее, а завтра вечером поездом отправим ноты с библиотекарем в Москву.

На следующий день каждый музыкант ставил на пульт две партии — оригинал и свою, переписанную, чтобы во время репетиции исправить возможные опечатки.

Вечером я позвонил К.Кондрашину. Он был поражен случившимся. Днем мне звонил секретарь Д.Шостаковича, следом взял трубку сам Дмитрий Дмитриевич: «Состоится ли концерт?» Я подтвердил, что все остается в силе, оркестровые партии в полном порядке, и просил его не забыть взять с собой партитуру для меня.

Дмитрий Дмитриевич вместе с женой Ириной Антоновной приехал за два дня до концерта. Утром состоялась репетиция с солистом, но без хора, который не мог бы поместиться в репетиционном зале тогдашней филармонии. На репетиции присутствовал Шостакович (сохранилась фотография). На следующий день — генеральная репетиция, она проходила в зале Дома офицеров, где и состоялся концерт.

Сказать, что А.Беседин пел прекрасно, значит ничего не сказать. Он был героем, пережившим драматические коллизии симфонии, от его имени он излагал текст и пел музыку:

Умирают в России страхи,
словно призраки прежних лет...

...Я их помню во власти и силе
при дворе торжествующей лжи...

Когда закончилась симфония (а пятая часть заканчивается, постепенно затихая), в зале наступила напряженная тишина. Публика замерла в осязании истинности представленных в симфонии драматических сцен и острейших общественных идей. Потом зал взорвался аплодисментами, публика стоя скандировала, приветствуя композитора, поднимавшегося на сцену.

С особой благодарностью до сих пор вспоминаю участников исполнения 13-й симфонии в Минске, особенно музыкантов Государственного симфонического оркестра Белоруссии, переписавших весь комплект оркестровых партий пятичастной симфонии для полного тройного состава духовых, арфы, фортепьяно, множества ударных и большого количества струнных — более семидесяти партий! Этот комплект оркестровых партий до сих пор находится в библиотеке оркестра. Я не знаю подобного случая в концертной практике оркестров бывшего СССР, не говоря о концертной жизни других стран.

Еще живы многие участники этого исполнения симфонии, и они могут подтвердить подлинность изложенного.

ВИТАЛИЙ. КАТАЕВ

Москва